

12. Малахов В. С. Герменевтика // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М.: Мысль, 2000. Т. 1. С. 511–513.
13. Мартин Б., Рингхэм Ф. Словарь семиотики. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
14. Неретина С. С. Герменевтика // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2000. Т. 1. С. 509–511.
15. Рикёр П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М. : Искусство, 1996.
16. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : Медиум, 1995.
17. Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-Логос. Вып. 1. М. : Прогресс, 1991. С. 284–315.
18. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб. : Изд-во «НОУ – “Высшая религиозно-философская школа”», 1998.
19. Шлейермахер Ф. Д. Э. Академические речи 1829 года // Метафизические исследования : альманах Лаборатории Метафизических Исследований при философском факультете СПбГУ. СПб. : Алетейя, 1997. Вып. 3. История. С. 242–260.
20. Шульга Е. Н. Когнитивная герменевтика. М. : ИФ РАН, 2002.
21. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998.

Е. А. Кожемякин

Тексты институциональной культуры: дискурсивное измерение

УДК 376.80

В статье представлен обзор основных текстовых характеристик институционального дискурса, в рамках которого «воспроизводится» культура общественных институтов. Описаны основные признаки текстов политического, религиозного, юридического и образовательно-педагогического дискурса. Особое внимание уделено самореферентному характеру институционального производства знания в дискурсе и текстовых форм его выражения.

Ключевые слова: *дискурс, институциональный дискурс, текст, институт, знание*

E. A. Kozemjakin. Texts of institutional culture: discourse dimension

The article discusses the main features of institutional discourses in terms of which the culture of social institutions is “produced”. It observes the key characteristics of texts of political, religious, juridical and educational discourses. The special attention is drawn upon the self-referent nature of the institutional production of knowledge and text forms of its representation.

Key words: *discourse, institutional discourse, text, institution, knowledge*

Институциональная культура (культура общественных институтов) представляет собой систему intersубъективных, разделяемых норм, принципов, практик, ожиданий, определяющих не только характер взаимодействия между людьми, но и «стили» познания и типы знания (когнитивно-эпистемические характеристики жизнедеятельности). В рамках общественного института люди не только «делают» нечто повторяющееся, прогнозируемое и при этом имеющее значение для них, но и знают нечто представляющееся важным, очевидным, естественным, особенным. Эти когнитивно-эпистемические аспекты общественного института не абстрактны, не «эйдически ощутимы», а выражены в совершенно конкретных знаково-символических формах (Э. Кассирер), что определяется самой прагматикой института. Представляя себя в полях политической, религиозной, юридической и прочих культур, индивиды вынуждены соотносить это представление с определенными, основанными на консенсусе системами означающих и означаемых, которые допускают определенное («политическое», «религиозное», «юридическое») прочтение их действий, намерений, «габитусов» [1]. Так, «заниматься политикой» означает для субъектов политической культуры ровно то, что представлено в характерной для этого института семантике – в базовых политических текстах (нормативных документах, учебниках по политологии и государственному управлению, публичных выступлениях авторитетных фигур и т. п.).

Никлас Луман обращает внимание на самореферентный характер институциональных систем: субъекты институциональной культуры создают и семантически закрепляют особую реальность, которая фактически выступает в качестве системы референций для каждого нового высказывания, действия, практики; в качестве обоснования существования самого института [4].

Этот самореферентный процесс бесконечного семиозиса, в ходе которого институт становится всё более и более «реальным», в данной работе мы обозначаем термином «дискурс». Выражаясь более точно, под дискурсом мы понимаем такую форму институциональной

культуры, которая представлена исторически, социально и культурно обусловленной речемыслительной деятельностью, в рамках которой происходит формирование и реконструкция важных для института смыслов, закрепленных в концептах и текстах.

Далее мы представим некоторые результаты наших попыток систематизировать характеристики текстов, «оформляющих» когнитивно-эпистемическое поле институциональных культур. Поскольку речь пойдет в том числе о типологии текстов, поясним, что мы выделяли следующие их типы:

- нарративные (текстовые единства, основанные на последовательности изложения, структура которого становится более определяющей в отношении смысла текста, нежели природа и специфика элементов структуры);

- тезисные тексты (тексты, в которых смысл достигается и поддерживается за счет ценности каждого отдельного высказывания);

- референциальные тексты (тексты, воспроизводящие смысл, поддерживаемый другими текстами);

- дескриптивные тексты (тексты, локализирующие смысл на генерализованном описании действительности).

Политический дискурс

Политический дискурс оперирует довольно широким спектром текстов – от референциальных до нарративных и дескриптивных. В этом мы можем обнаружить его сходство с педагогическим и религиозным дискурсами. Отметим, что подобное многообразие текстовых жанров в политическом дискурсе свидетельствует о речевой природе самой политической деятельности: политика как совокупность речевых действий порождает разнообразие текстов как собственного следа, как материальной формы своего существования.

Поскольку целью политического дискурса является не столько описание объективной действительности, сколько конструирование реальности особого типа – политической [7, 8], то тексты также носят преимущественно декларативно-перформативный характер, которым обладают в основном референциальные («цитатные») и тезисные (декларативные) тексты. Таковыми являются достаточно распространенные в политическом дискурсе политические обзоры, представляющие собой набор цитат из выступлений политических деятелей, а также обращения, декларации, ноты, официальные заявления.

Не менее важными в отношении трансляции базовых идей и ценностей являются тексты, в большей мере ассоциирующиеся с иными дискурсами, – художественные, публицистические, законодательные и даже научные тексты используются политическими агентами в ка-

честве инструмента воздействия на сознание и опыт реципиента. Это объясняется тем, что в целом тип текста не всегда совпадает с типом дискурса. Например, законодательные тексты могут в полной мере использоваться и в политическом, и в юридическом дискурсах, различие заключается в оценочном модусе законодательного текста, который в юридическом оценивается по шкале «должно – не должно», а в политическом – по шкале «доминирование – подчинение». Законодательный текст в юридическом дискурсе нормализует, в то время как в политическом – устанавливает различия и подчиняет; более того – речь может идти об одном и том же тексте, но о различных дискурсных стратегиях его реализации и, соответственно, о различных – юридической и политической – интерпретациях текста.

Религиозный дискурс

Несмотря на то, что текстовое пространство религиозного дискурса отличается широким спектром текстов различного жанра, их «смысловый центр» всегда совершенно однозначно распознаваем: *сакральный текст* содержит в себе базовые положения религии, служит ориентиром и отправной точкой в реализации дискурсной практики как на официальном, так и на повседневном уровнях религии. Сакральный (канонический) текст фактически представляет собой запись религиозного учения, он сам представляет собой учение, не подлежит трансформации, но может быть интерпретирован, как мы показали выше, для объяснения жизненных ситуаций и построения новых текстов в рамках определенной религии. Сакральный текст наделяется статусом символа веры, ее содержания и даже ее адресанта. Особенностью канонического текста является его агентивность и генеративность – с ним «ведут диалог», он «обучает», «наставляет», «воспитывает». Его отличие от базовых текстов иных дискурсов заключается в том, что он заключает в себе религиозную картину мира и исключает критическое действие по отношению к себе – он есть «голос Бога», предельный смысл, высшая ценность, абсолютный закон; он сам есть доказательство самого себя и отрицает «внешнее» доказательство собственного статуса, как это допускается в иных дискурсах, например, в юридическом – даже в отношении Конституции или в политическом – в отношении нормативных актов властных групп.

Сакральный текст наделяется метастатусом – он является образцом построения иных текстов и предопределяет текстовую иерархию в зависимости от степени их сакральности и социокультурной значимости: канонические произведения, не вошедшие в сакральный текст, но имеющие к нему отношение; авторские сочинения, поясняющие фрагменты сакрального текста (например, патристика в христианстве,

хадисы в исламе); катехистические тексты (краткое изложение религиозного учения); тексты, используемые в культах (богослужебные книги, молитвенники, etc.); авторская мистико-эзотерическая литература; проповеди; толкования; законодательные тексты (например, в иудаизме или исламе); конфессионально-светская литература [5, 9]. Для определения места текста в иерархизированном текстовом пространстве необходимо учитывать коммуникативную цель, коммуникативный статус, перформативность высказывания, степень авторитетности источника, характер адресата. Так, ритуальные тексты, бесспорно, имеют большее значение, чем конфессионально-светские тексты, поскольку адресатом первых считаются сверхъестественные сущности, Бог, высшие силы (таковы, например, молитвы).

Религиозный дискурс предполагает не только актуализацию канонических и создание интерпретативных текстов, но и использование интертекстуальных единств. В этом аспекте религиозный дискурс в большей мере, чем другие дискурсы (в частности, политический и юридический) «вторгается» в соседние жанровые пространства: литература, публицистика, наука, медицина в разное время и в разной степени испытали влияние религии, что отразилось на корпусе их текстов. Известны примеры классической литературы, научных трактатов, выполненные в рамках религиозной дискурсной практики; однако, с течением времени и со сменой исторических дискурсных формаций, эти тексты утратили свой первоначальный религиозный статус, оставаясь тем временем свидетельством своеобразной экспансии религии в междискурсном пространстве.

Отмеченное жанровое и стилистическое многообразие религиозных текстов проявляется также и в том, что они организуют достаточно сложное интертекстуальное единство: референциальные, цитатные, дескриптивные, тезисные тексты дополняют, развивают, уточняют друг друга, фактически являясь репрезентациями канонических сакральных текстов с содержащимся в них аутентичным смыслом и ценностями религии.

Стратегии «захватывания внимания» адресата с помощью канонических текстов и их интерпретаций, а также с помощью текстов различных типов и жанров достигают своего максимального эффекта с учетом их строгой контекстуальной обусловленности.

Юридический дискурс

Тексты юридических документов содержат и раскрывают базовые понятия и категории юриспруденции (например, законодательные акты), содержат критерии оценки правомерности действий (в частности, уголовный кодекс), описывают технологию правореализации

(договор или устав), создают информационные прецеденты (заявление или обращение). Однако, главным образом, тексты фиксируют нормы и правила человеческого общежития. Собственно, юридическая дискурсивная практика принципиально невозможна без текстовой основы, выступающей и как практический ориентир, и как догматическое «оправдание» юридических действий, и как знаковая форма права. В этом отношении очевидны некоторые аналогии с религиозным сакральным текстом, который также вмещает в себе картину мира и моделирует частные речемыслительные и поведенческие ситуации. Однако мы не склоняемся к чрезмерно радикальной точке зрения, согласно которой текст трактуется как «онтологический предел» юридической практики, за которым не существует иной реальности. Различие между функциональностью текста в юридическом и религиозном дискурсах состоит в том, что юриспруденция оперирует текстом как методом, а для религии характерно восприятие сакрального текста как высшей ценности, абсолютного объекта и одновременно субъекта коммуникации.

Несмотря на предписывающий характер юридического текста, он тем не менее может стать объектом критической рефлексии, в то время как религиозный текст представляет собой объект абсолютной ценности и не может быть оспорен. Текст как метод юридической практики также обладает ценностными характеристиками, но, во-первых, исключительно в определенных культурно-исторических рамках и, во-вторых, преимущественно в прикладном аспекте. Так, Библия в христианстве – это символ веры, «голос Бога» и агент коммуникации, а Конституция – это модель идеального общественного устройства, социальная ценность и метод оценки общественных отношений. Именно в силу различий в «онтологическом» и аксиологическом статусах юридический текст – даже Конституция – может быть переписан, отредактирован, исправлен, а религиозный – остаётся неизменным и может быть лишь подвергнут интерпретации. Эта особенность свидетельствует о том, что юридический текст не вмещает в себя всю реальность и является результатом совместной деятельности индивидов. Соответственно, изменения в общественном порядке могут повлечь за собой изменения в законодательстве.

Юридический текст не только выполняет нормирующие, воздействующие и регулирующие, но и социально-прагматические функции: с помощью юридических документов коммуниканты конструируют и контролируют социальный порядок, но, главным образом, выражают свои интересы, создают и защищают свои права, закрепляют в законодательном порядке (легитимируют) свои социальные позиции. Официальные юридические документы объективируют средства пра-

вового регулирования (то есть буквально «отчуждают» их от субъекта и, соответственно, блокируют риск индивидуального произвола), а также транслируют их широкой аудитории.

Мы склонны придерживаться того взгляда на природу юридической деятельности, в соответствии с которым право трактуется как способ создания и закрепления определенной системы общественных отношений, как своего рода «общественный договор». С этой позиции юридический текст можно трактовать и как репрезентированную социальную реальность, и как социальный конструкт. Юридический текст выражает общественное устройство, формирующим принципом которого является не правовой, а принцип иного характера – например, экономический или политический. Соответственно, изучение юридического текста дает возможность как сформировать представление о правовой культуре того или иного сообщества, так и судить о тех базовых принципах общественного устройства, выражением и «оправданием» которых он является.

Если политический или религиозный дискурсы характерны тем, что реальность становится эффектом высказываний и текстов, то юридический – тем, что она также репрезентирована посредством базовых концептов (*право, справедливость, государство, etc.*). Познание в юриспруденции в принципе сводится к познанию на основе текстов и посредством текстов.

Итак, юридический текст не только описывает, но и предписывает: законы и подзаконные акты ориентированы на регуляцию отношений между людьми. Однако, независимо от своей функциональности и своего содержания, юридические тексты обладают гомогенными структурой, жанровыми особенностями, лексическими характеристиками, то есть они *формально* гомогенны.

Характерной особенностью всех юридических текстов является их особая терминологическая (понятийно-смысловая) «нагруженность», что объясняется необходимостью точной и формализованной оценки действий людей как правовых или внеправовых. Иными словами, юридический термин выступает в роли маркера нормы поведения или отклонения от нее, обеспечивая однозначную интерпретацию и универсальную трактовку содержания текста. Однако слишком высокая «терминологичность» юридических текстов имеет также и другой эффект – их «наивный» реципиент может вообще не понять его содержания и не сформировать никаких интерпретаций, не имея соответствующего опыта или не прибегая к помощи специалистов. В этом мы видим специфичную парадоксальность юридических текстов, с одной стороны, ориентированных на предельно точное формулирование и описание правовых феноменов и, с другой стороны, предъяв-

ляющих достаточно высокие требования для интерпретации и понимания их содержания. Эта парадоксальность становится возможной благодаря характерному для юридического дискурса сочетанию нормирующей цели и закреплению за текстовой составляющей системообразующей функции.

Следствием этой особенности юридического дискурса является необходимость в профессионализации института права. Юрист-профессионал наделяется полномочиями составления и интерпретации юридических текстов, а также оценки адекватности действий индивидов закрепленному праву. Фактически, «работа с юридическим текстом» является легитимной только при наличии двух условий – если ее осуществляет профессионал (юрист или политик, занимающийся законодательной деятельностью) и если она выполняется в соответствии с конкретными институционально закрепленными задачами и хронотопом (так, зачастую нелегитимным считается подписание нотариусом юридических документов вне нотариальной конторы или внесение поправок в существующее законодательство вне заседаний правительства).

Профессиональная интерпретация, однако, не аналогична религиозной интерпретации текстов, так как не ориентирована на поиск «аутентичного» или латентного смысла текста. Напротив, профессиональная интерпретация юридического текста предполагает трактовку буквального значения высказываний и терминов. Юрист выступает не только в своеобразной роли «переводчика» с юридического на обычный язык, но и в качестве автора текстов; однако его «творческий потенциал» как автора ограничен как принципом «коллективного автора» юридического дискурса, так и содержанием прецедентных юридических текстов.

Прецедентность текстов юридического дискурса представляется свойством, достаточно важным для понимания его сути. Каждый новый юридический текст становится возможным благодаря существованию и употреблению уже существующих текстов. «Преимственность» текстов необходима, с одной стороны, для более точного воспроизведения норм, правил, решений и, с другой стороны, для «блокирования» нежелательных (недопустимых, нелегитимных, внеправовых) интерпретаций базовых текстов законодательного характера. В связи с этим изучение прецедентности юридических текстов позволяет определить базовые принципы той или иной правовой системы и «логику» формирования определенного ценностно-когнитивного поля, характеризующегося (вос)произведением одних знаний и ценностей и исключая другие. Наиболее показательные результаты на сегодняшний день получены в ходе исследований прецедентности

психиатрического и пенитенциарного дискурсов, осуществленных Мишелем Фуко [6].

К прецедентным текстам, безусловно, следует отнести Конституцию государства, его уголовный кодекс, различные акты и конвенции международного уровня, то есть тексты, которые фиксируют «волю общества» как правообладателя. Качественные и количественные характеристики субъекта права являются основанием иерархии юридических текстов, выражающей более и менее легитимные тексты, а также тексты, могущие в большей или в меньшей степени стать прецедентом для иных юридических текстов.

По сравнению с текстами иных дискурсов, юридические тексты не отличаются большим жанровым разнообразием – преобладающими жанрами юридических текстов традиционно являются референциальные и тезисные тексты. Скорее, речь идет о разнообразии документов, типы которых различаются по признаку реализации коммуникативных функций и социально-прагматических целей (законы, указы, распоряжения, договоры, заявления и прочие). Это обстоятельство делает возможным рассмотрение юридических текстов в контекстуальном контексте. Не требующим доказательств является тот факт, что юридический дискурс в меньшей степени определяется контекстом, чем, например, политический и в большей степени специфичен универсальным содержанием, чем, например, образовательно-педагогический дискурс; тем не менее роль контекста в юридических дискурсивных практиках представляется достаточно значимой и определяющей в ряде моментов.

Образовательно-педагогический дискурс

В отличие от иных типов дискурса образовательно-педагогический дискурс оперирует преимущественно текстами, заимствованными из иных институционально-культурных полей. В сфере образования отсутствуют универсальные «канонические» (как в религиозном дискурсе) или идеологические дискурсообразующие (как в политическом дискурсе) тексты. Скорее, речь следует вести о так называемых «локально доминирующих» текстах, которые конституируют порядок и логику дискурсивной практики в рамках конкретных учебных предметов или дисциплин или в определенной области профессиональной подготовки. Так, классические образцы национальной и мировой литературы будут служить своего рода «отправной точкой» для возможных высказываний и текстов в рамках преподавания истории литературы, а фундаментальные тексты, описывающие физические законы, – в сфере преподавания физики. Здесь проявляется межинституциональный характер образовательно-педагогического дис-

курса: научные, политические, художественные тексты «импортируются» в него с целью создания более общего дискурсивного поля, в котором осуществляется целенаправленная социализация и инкультурация индивидов [3]. При этом базовые прецедентные тексты могут выступать не только в роли «эталонных» объектов познания, но и в роли ценностно-нормативных образцов.

Крайне важной разновидностью текстов в образовательно-педагогическом дискурсе являются тексты, используемые в качестве объекта анализа и интерпретации в процессе учебной коммуникации, особенно в рамках преподавания социально-гуманитарных дисциплин. Эта особенность во многом специфицирует указанный параметр образовательно-педагогического дискурса в том отношении, что эти тексты, как правило, имеют «непедагогическое» происхождение; это могут быть художественные произведения, документальные свидетельства, законы, политические тексты, фрагменты повседневной речи – все они могут выступать в качестве инструмента или средства учебно-воспитательной коммуникации. Это объясняется необходимостью формирования разносторонней компетентности учащихся и задачами интеграции индивида в широкий социокультурный контекст. Здесь очевидны корреляции с научным – особенно социально-гуманитарным – дискурсом, в котором объектом изучения также могут выступать тексты совершенно различного происхождения в зависимости от «исследовательского интереса».

Еще один пласт текстов составляют собственно педагогические тексты, описывающие, нормирующие и моделирующие практическую учебно-воспитательную деятельность. К таким текстам следует отнести как признанные в педагогическом сообществе работы ученых, воспитателей и всех тех, кто непосредственно вовлечен в педагогическую деятельность, так и узкоспециализированные тексты предписывающего или контролирующего характера, регулирующие деятельность педагогов (учебные планы, памятки учителю, методические рекомендации, характеристики уроков, отчеты о работе классных руководителей и кураторов, профессиограммы, протоколы педагогических собраний, etc.). Подчеркнем, что тексты последнего типа – предписывающе-контролирующие – особенно распространены именно в этом типе дискурсивной практики, что, однако, не исключает «подчинения» образовательно-педагогической дискурсивной практики иным текстам или группам текстов. Это свидетельствует, с одной стороны, об ориентации образовательно-педагогической дискурсивной практики на самоорганизацию (сравним, например, с политической дискурсивной деятельностью, которая нормируется не столько «внутренними», сколько внешними – преимущественно юридическими – текста-

ми), а с другой стороны, о стратегии контроля над так называемой «аудиторной коммуникацией», которая является в значительной степени контекстуальной, трудно контролируемой и закрытой для непосредственно не вовлеченных в нее субъектов.

В отношении формальных характеристик текстов, используемых в образовательно-педагогическом дискурсе, можно отметить, что здесь присутствуют практически все их виды – нарративные, референциальные, дескриптивные, тезисные. Это объясняется тем, что и содержательные, и собственно формальные текстовые признаки предопределяются особенностями когнитивной деятельности адресатов и спецификой транслируемого знания. Так, ученики младшего школьного возраста в большей степени способны работать с нарративными, чем с референциальными текстами, а преподавание гуманитарных дисциплин характерно более активным обращением к дескриптивным и нарративным, а не тезисным и декларативным – как в естественно-научных и технологических дисциплинах – текстам. Отметим, что широкое применение нарративных текстов в образовательно-педагогическом дискурсе выражает в определенном смысле сущность образования, то есть поэтапное, последовательное, структурированное создание социокультурного субъекта. Несколько гиперболизируя, можно сказать, что структура наррации, используемой в образовательной дискурсивной практике, определена логикой самого образования. Её можно выразить формулой «создание условий для учебного или педагогического воздействия – последовательная трансляция опыта – закрепление опыта – оценка результатов»; нарративный текст, как известно, также обладает спецификой: наличием структуры «условия событий – развитие событий – последствия событий – подведение итогов».

В образовательно-педагогической дискурсивной практике реализация текстов тесно связана с ее контекстами, главным образом, в силу того, что она предполагает непосредственное диалогичное взаимодействие адресанта и адресатов, а также качественное изменение сознания и опыта индивидов.

Итак, трактуя институт как поле когнитивно-эпистемической, дискурсивно-текстовой деятельности, мы сталкиваемся с необходимостью ответить на вопрос о формах хранения и (вос)производства знания в данном институте, которые делают его «самореферентной сущностью», «очевидной реальностью». Как «делается» и «воспроизводится» текстоориентированный социальный институт в дискурсе? Как особый режим говорения и особые требования к познавательным стратегиям (например, к интерпретации) создают институциональную реальность? Что отличает структуры знания в различных институтах?

Эти вопросы со всей очевидностью обращают нас помимо всего прочего к изучению особенностей текстов, фундирующих институциональные культуры.

Очевидно, что это достаточно крупная исследовательская задача, которая, с одной стороны, не исчерпывается областью семиотики культуры, а с другой – требует не только собственно текстового, но и дискурсивного анализа, предполагающего выявление внетекстовых факторов смыслообразования.

-
1. Бурдые П. Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас. Новосибирск : НГУ, 1995.
 2. Джемс У. Воля к вере. М. : Республика, 1997.
 3. Ежова Т. В. К проблеме изучения педагогического дискурса // Вестник ОГУ. 2006. №2. Февраль. Т. 1. С.52–56.
 4. Луман Н. Самоописания. М., 2008.
 5. Мечковская Н. Б. Язык и религия. М. : ФАИР, 1998.
 6. Фуко М. Рождение клиники. СПб., 2008.
 7. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М., 2006.
 8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004.
 9. Fitzgerald T. The ideology of religious studies. N.Y. : Oxford University Press, 2000.

А. П. Люсый

**Парад и марш: эйкономика текстов. Опыты мастер-нарративов
в условиях историостазиса**

УДК 008.80

Статья представляет собой опыт нарративного подхода, направленного на взаимосвязь истории культуры с практикой историков в их работе с памятью. В то же время с привлечением опыта современного искусства обосновывается идея Вальтера Беньямина, что для мышления необходимо не только движение мысли, но и ее остановка. В итоге обосновывается идея создания ситуационного интерактивного памятника битвы истории и памяти, с целью освобождения последней из-под ига первой.